

На следующее утро Цзян Ли проснулся на маленькой кровати, специально изготовленной для него Му Шэном. Как только он сбросил кошачью лапу на пол, человеческий облик тут же вернулся к нему. Однако почему, едва приняв прежний вид, он обнаружил, что на нем совсем ничего нет?

Снаружи стояла полная тишина. Прячась за пологом, Цзян Ли заметил на краю кушетки серо-голубое даосское одеяние. Не раздумывая больше ни секунды, он на цыпочках прокрался к одежде и кое-как накинул её на себя.

Му Шэн был выше Цзян Ли, поэтому даосское одеяние сидело на нём так, словно маленький мальчик тайком примерил вещи взрослого.

— Ваше высочество, вы проснулись? — Шуанси, покорный наставлениям молодого даоса, долго дежурил снаружи. Он подумал, что если его высочество не встанет и не позавтракает вовремя, то до самого полудня будет мучиться от болей в животе, и набрался храбрости позвать его.

Услышав голос Шуанси, Цзян Ли подошел и распахнул дверь. Он не проронил ни слова, лишь уставился на слугу остекленевшим взглядом, в точности копируя поведение прежнего владельца тела.

Шуанси уже привык к такому состоянию наследного принца. Он протянул руку, ввел его обратно в комнату и помог поправить несуразно сидевшее одеяние, при этом беспрестанно приговаривая:

— Государственный наставник сказал, что одна душа и одна часть духа, которых вам недоставало, вернулись на место. Должно быть, когда государыня слышала, как вы зовете её матушкой, это не было плодом воображения. Ваше высочество скоро совсем поправится, и я так счастлив за вас.

Шуанси был личным слугой, которого Императрица специально приставила к своему непутевому сыну. Хоть он и был на три года младше наследного принца, можно сказать, они вместе выросли, поэтому он прекрасно понимал, почему вельможи при дворе так недовольны его господином.

На самом деле, у придворных не было злых намерений. В конце концов, их принц — единственный законный наследник, рожденный Императрицей. По-человечески, те, кто прошел с Императором весь путь, любили и почитали принца. Но с точки зрения здравого смысла, Великому Ци был нужен ясный и здравомыслящий правитель, а не такой блаженный, как он.

Что? Кто должен прийти в сознание? Цзян Ли шел следом за Шуанси, и в голове у него крутились услышанные слова. Что именно задумал этот старик Сюань Цзицзы? Неужели он раскусил, что Цзян Ли — пришелец, занявший чужое гнездо, и теперь хочет заставить его притворяться прежним хозяином, чтобы возродить могущество Великого Ци?

Всеми силами души Цзян Ли противился этому. Он был самым обычным городским жителем, а если точнее — заурядным студентом, подрабатывающим в зоомагазине. Он никогда не окунался в суровые реалии взрослой жизни, в его глазах еще читалась кристальная наивность. Куда уж ему вершить великие дела, скакать по полям сражений или плести интриги при дворе!

Пока Шуанси довел его до Восточного Дворца, Цзян Ли уже обмяк в кресле, дожидаясь, пока слуги накроют завтрак.

Что за фальшивый принц, что за настоящий принц, какие там дворцовые интриги или поля битв — все это Цзян Ли выбросил из головы. Есть ли что-то важнее еды? Нет, ничто не сравнится с удовольствием от сытного обеда.

Когда пришла Императрица, она застала своего непутевого сына за усердным поглощением завтрака. Её А-Ли с детства был слабее других детей, лекарств съедал больше, чем нормальной еды, поэтому всегда выглядел таким хилым и щуплым — словно юноша, которому еще не пришло время надеть венец совершеннолетия, хотя он уже давно вырос.

Государственный наставник обещал, что А-Ли поправляется, но сердце матери все равно не могло успокоиться. Однако сейчас, видя, с каким аппетитом сын ест, она почувствовала, как тяжелый камень, долго давивший на грудь, наконец бесшумно отступил.

— Подайте еще одну чашку и палочки, — Императрица подошла ближе, решив разделить трапезу с сыном.

Император, заметив это, без лишних слов подошел следом и тоже жестом велел Шуанси принести приборы.

Трое членов императорской семьи редко могли вот так спокойно посидеть за завтраком. Император ел с таким удовольствием, что, закончив, даже тайком распустил пояс, не заботясь о приличиях.

Императрица с укором взглянула на супруга и приказала личной служанке приготовить отвар для пищеварения.

Цзян Ли закончил трапезу и в замешательстве моргнул. Когда это его фальшивый папаша успел здесь оказаться?

Императрица протянула руку и ущипнула его за тонкую щеку:

— А-Ли, ты хорошо поел?

— Он съел больше, чем я, разве не видно, что он отлично поел! — Император с невозмутимым видом говорил неправду, глядя в большие круглые глаза Цзян Ли, ничуть не смущаясь.

Цзян Ли понятия не имел, какое выражение лица следует принять. Как истинный современный гурман, он считал, что кухня Великого Ци оставляет желать лучшего. К тому же он совершенно не знал, как общаться с этой нежной Императрицей, поэтому просто опустил голову, притворяясь, что продолжает усердно жевать — хотя с крошечным кошачьим желудком прежнего владельца тела это было физически невозможно.

Император, пользуясь тем, что его недалекий сын не станет возражать, указал на Цзян Ли, который деревянно смотрел в одну точку, и с важным видом сказал Императрице:

— Смотри, А-Ли полностью согласен с моими словами.

Императрица лишь молча приложила руку ко лбу, глядя на мужа, который, несмотря на долгие годы правления, до сих пор вел себя как несносный мальчишка, решивший подразнить сына.

После завтрака Императору нужно было возвращаться к государственным делам. Императрица бесцеремонно махнула мужу рукой на прощание, а сама села вместе с сыном на ступени Восточного Дворца греться на солнце.

Цзян Ли погрузился в свои мысли. В современном мире он был подкидышем, выросшим в приюте. Благодаря прилежанию в учебе, грантам и стипендиям он смог поступить в университет в большом городе.

Позже, по воле случая, он устроился подрабатывать в зоомагазин. Видимо, в нем было нечто особенное, раз все питомцы так к нему тянулись. Сам же он, не имея грандиозных амбиций разбогатеть, просто обожал проводить время в магазине, тиская кошек и собак.

Но... но он любил гладить зверей, а не самому становиться котенком! Цзян Ли тихо скрежетнул зубами, чувствуя себя невероятным неудачником.

Императрица, взяв в руки иглу и нить, принялась аккуратно шить одежду. Еще до восшествия супруга на престол, когда они жили в скромном поместье, она сама шила ему вещи. Эта привычка сохранилась и после того, как они заняли императорский трон, а с появлением сына добавились и его наряды.

В конце весны воздух все еще был прохладным. Под лучами солнца Цзян Ли слегка прищурился, став похожим на ленивого кота. Императрица, глядя на него с улыбкой, не удержалась и коснулась щеки сына:

— О чем задумался, А-Ли?

Цзян Ли очнулся и посмотрел в мягкие, заботливые глаза Императрицы. Выросший в приюте, он искренне завидовал прежнему владельцу тела, у которого была такая любящая мать — даже если для самого Цзян Ли она была чужой, прежний хозяин этого тела действительно был ею

любим.

Не отвечая на вопрос, Цзян Ли набрался смелости, прижался к коленям Императрицы и ласково потерся о них головой.

В императорском кабинете Император смотрел на своего брата, который, будучи одетым в даосские одежды, вел себя крайне развязно. Нахмурившись, он спросил:

— Ты не в храме Цинъян свои эликсиры варишь, что прибежал ко мне?

Цинсюй, чьё даосское имя звучало как имя небожителя, не мог скрыть взрывной характер, скрывающийся за благородной внешностью. Заметив, с каким отвращением смотрит на него брат, он в ответ изобразил полное равнодушие:

— Думаешь, я горю желанием тебя видеть? Если бы мастер лично не заставил меня прийти, я бы и порог твой не переступил.

Махнув рукой, он подозвал своего старшего ученика и нахмурился:

— Привел тебе человека. Та душа и та часть духа, которые А-Ли потерял много лет назад, вернулись на место. Но так как они отсутствовали слишком долго, он многое забыл и теперь воображает себя маленьким демоном, занявшим чужое тело. Мастер сказал, что время еще не пришло, раскрывать небесную тайну нельзя, поэтому пусть А-Ли действует по своему усмотрению. Никому нельзя вмешиваться, особенно тебе, брат!

Император нахмурился еще сильнее, его и без того властный взгляд стал пугающим. Му Шэн, опасаясь, что учитель наговорит лишнего и разгневает Императора, хотел было что-то сказать, но услышал, как Император с сомнением произнес:

— Ты уверен, что это сказал старый болтун Сюань Цзицзы, а не ты сам начитался книжек и теперь несешь тут чепуху?

— Верить или нет — твое дело. Если не веришь, пойду сам расскажу невестке, — Цинсюй собрался уходить.

Император, не глядя, схватил том с докладами и швырнул его в затылок брату:

— А ну вернись, живо!

Цинсуй ловко поймал летевший в него свиток и, к ужасу своего старшего ученика, принялся бегло читать содержание:

— Эта банда наглецов опять требует, чтобы ты расширил гарем и завел нового наследника!

Цинсуй с явным пренебрежением хмыкнул и наклонился к брату:

— Ну как, каково это — быть вынужденным зачинать детей с незнакомыми женщинами? Может, поделишься своими мыслями, брат?

— О? — Император, столкнувшись с наглостью брата, лениво постучал пальцами по столу. — Раз уж тебе так любопытно, каково это — быть вынужденным заводить детей, может, мне стоит женить тебя, как только ты вернешься в мир мирян?

В глазах Императора блеснуло намерение убить, и Цинсуй тут же притих. Ладно, хватит дразнить брата, а то ведь тот и правда может заставить его жениться ради продолжения рода Великого Ци.

— Кхм-кхм, — Цинсуй под взглядом своего шокированного ученика придвинул стул и сел как ни в чем не бывало. — Брат, А-Ли действительно восстановился.

— Невозможно, — Император по-прежнему отказывался верить. — Утром за завтраком этот паршивец снова выглядел как дурачок, только и знал, что в тарелку смотреть, глупый, как щенок. — На самом деле Император очень хотел спросить у Сюань Цзицзы, не ухудшилось ли состояние его маленького дурачка, раз он стал еще глупее.

— Так вот, брат, А-Ли тебя обманул, — Цинсуй пришел в восторг и, не сдержавшись, расхохотался. — Ты повелся на его уловку! Я-то думал, ты сам заметишь неладное...

Под всё более свирепым взглядом Императора Цинсуй прижал руку к губам, чтобы сдержать смех. Смеяться он перестал, но в его глазах все еще читалось крайне провокационное насмешливое торжество.

Император мельком взглянул на своего несносного брата, и в следующую секунду появились скрытые стражи, которые подхватили Цинсюя под руки и поволокли прочь.

Цинсуй: пришел на своих двоих, а выкинули — как мешок. И всего-то прошло время, нужное для заваривания чая. Тц-тц, ну и мастерство у них растет!